

Саги кызы Аяжан

СООТНОШЕНИЕ НАУКИ И ГУМАНИЗМА

Sagi kyzy Aiyjan

RATIO BETWEEN SCIENCE AND HUMANISM

УДК: 141:001

В статье анализируется соотношение научного познания и гуманистического мировоззрения. Оно, по мнению автора, сосредоточивается вокруг трех основных сюжетов: нравственная ответственность ученого за социальные последствия научных открытий; этические нормы научно-познавательной деятельности; нравственное содержание научного знания.

The correlation between scientific cognition and humanistic world outlook is analyzed in the article. This correlation concentrates around three main subjects: moral responsibility of scientist for social sequences of scientific discoveries; ethical norms of scientific cognitive activity; moral contents of scientific knowledge.

Историческим многообразием культур определено и многообразие гуманистических форм сознания. Так же, как гуманизм не может постичь существо человеческого в человеке, так и научное познание не может достичь «существенного мышления», т.е. мышления бытия. Наука рассматривает природу, человека, исторические события, язык и т.д. в их предметном противостоянии, и потому не в силах охватить всю сущностную полноту их бытия. По этой же причине наука не может *собственными методами* - т.е. *научно* - раскрыть для себя свое собственное существо: физика сама по себе никак не может стать предметом физического эксперимента; посредством математических расчетов никак нельзя выяснить, что такое сама математика [1].

Словом, ни гуманизмом не достигается существа человека, ни наукой не достигается существа истины. Вернер Гейзенберг придавал принципиальное значение положению о том, что человек способен развить свои духовные силы лишь в сообществе, созданном отношением к осмысленной взаимосвязи целого: «Лишь внутри такой духовой формы, определяясь по отношению к принятому в данном сообществе «учению», человек обретает воззрения, позволяющие ему ориентироваться в поведении... только в этом случае встает и решается вопрос о ценностях» [2]. Только в горизонте этой формы обнаруживается тесная связь между добром, истиной и красотой. Здесь речь идет не о нормах, а о путеводных образах.

Однако проблема заключается в том, что духовная форма должна, по определению, обладать устойчивостью, долговечностью, а научный опыт и научная мысль являются динамичными, постоянно обновляющимися структурами. Недаром у римской инквизиции шевельнулось подозрение, что галилеево естествознание может вызвать опасное изменение духовной ориентации, нарушить живое сцепление человеческого сообщества, создать опасную нестабильность социума.

Научное познание не является усмотрением истины умопостигаемым субъектом, но является

человеческой деятельностью, социальной по своим предпосылкам, условиям, логике и смыслу. В нововременной культуре процесс направленности исследовательской мысли на объективное бытие многосторонне опосредствован становлением науки как социального института и непосредственной производительной силы общества. Современная критика науки во многом вызвана тем, что на науку возлагаются такие задачи и с нею связываются такие надежды, которые она по своей природе выполнить не может и не должна. Вера в науку без адекватного осознания ее смысла оборачивается иррациональным суеверием. Огюстом Конттом наука прямо провозглашалась новой формой религии, в которой вера в Бога заменяется верой в силу человеческого познания. Это обстоятельство подвигло Пола Фейерабенда выступить с требованием дополнить отделение государства от церкви «отделением государства от науки - этого наиболее современного, наиболее агрессивного и наиболее догматического религиозного института» [3]. Такое отделение, по его мнению - единственный шанс для современного гуманизма.

Конечно, в заявлении известного «методологического анархиста» преобладают нотки интеллектуальной фронды, эпатажа. Но он, несомненно, прав в том, что необходимо преодолеть как суеверное преклонение перед наукой, ожидания и требования от нее того, что она свершить в принципе не может - решения всех социальных и философско-мировоззренческих проблем, дарования человечеству благоденствия и беспримерного счастья - так и неумолимо следующего за суеверным преклонением свержения кумира: разочарования в науке, презрения к ней, инкриминирования науке всех бед, усмотрения в ней главной причины дегуманизации бытия. П. Фейерабэнд, как и ряд известных философов и методологов науки, развивающих *самокритику* научного разума, показывает, что, вопреки устоявшемуся в массовом сознании и в представлениях многих ученых мнению, наука не имеет оснований претендовать на статус абсолютного знания и на наиболее полное и адекватное воплощение идеала рациональности по сравнению с иными формами знания.

Обожествление или демонизация науки и техники, сакрально-технократический способ представления о них характерен не только для обывателя. Например, Ганс Йонас, предлагая новые этические принципы отношения к науке и технологиям, обосновывает их «эвристикой страха» [4]. Мы нуждаемся в угрозе деформации человека, в руководстве со стороны страха, чтобы прийти к идее новой этики. Этой эвристической казуистикой фундирован и сформулированный Г. Йонас новый

этический императив: «Действуй так чтобы последствия твоей деятельности были совместимы с поддержанием подлинно человеческой жизни на Земле» [5]. Перед лицом небывалого могущества и новых измерений деятельности человека у нас нет права избирать небытие будущих поколений, или хотя бы рисковать этим бытием - *бытием того, чего нет* - для счастья и процветания нынешнего поколения. Хотя теоретически обосновать отсутствие такого права новая этика, считает Г. Йонас, вряд ли способна без обращения к религиозным аргументам.

Согласно М.М. Бахтину, рациональность - это только момент ответственности, от чего принципиально отвлекается теоретизм живущий своей автономной жизнью. Нам «важно отметить включенность понимания науки и особого статуса научной рациональности в современной культуре в контекст понимания человека как творца и преобразователя мира, свойственного гуманизму. Только в этом контексте было возможно обожествление науки как обожествление силы человеческого разума» [6]. Из самой природы человека вытекает стремление к свободе, справедливости, утверждению самоценности индивидуальности и ее деятельного участия в том, что происходит с ней и вокруг нее - все это входит в перечень принципов гуманизма и в содержание гуманистического идеала. И все это подвергается критике и сомнению в современном философском и социально-политическом дискурсе.

В современных условиях гуманистический идеал связан с отказом от просветительской идеи истины человеческого присутствия в мире как овладения, подавления и господства. Новой онтологией соответствует не идеал антропоцентризма, а идея коэволюции - идея взаимодействия, совместной эволюции природы и человечества. Этой идее отвечают ряд современных концептуально-методологических новаций междисциплинарного характера, связанных с развитием теорий диссипативных систем, синергетики, нелинейной динамики и т.д.

Одним из парадоксальных результатов научно-технологического прогресса является растущая диспропорция между ростом практической (технической), экономической и политической мощи науки, глубиной ее проникновения в тайны мироздания, и падением ее значения для мировосприятия человека, для выстраивания им своего образа мира. Мировоззренческий смысл научного прогресса состоит в том, что наука вносит решающий вклад в процесс расколдовывания мира (М. Вебер). Однако этот процесс оборачивается для гуманистического мировоззрения тем, что высшие, благороднейшие ценности уходят из общественной сферы или в потустороннее мистическое царство, или в - близость непосредственных отношений индивидов, где они пульсируют крайне тихо, пианиссимо [7]. На этом фоне растет критика науки с позиций иррационализма и антиинтеллектуализма. На том основании, что научное мировоззрение утратило тот основной масштаб, которым определяются все иные масштабы: самого человека, - рядом исследователей делается вывод о дегуманизирующем воздействии научного прогресса.

Такого рода суждения нуждаются в определенной корректировке. Умножение и углубление научных знаний в настоящее время не может совершаться без растущей профессионализации и специализации научно-исследовательской деятельности. Однако на этом основании нельзя заключать о несоразмерности науки человеку. Бесконечностью природно-человеческого универсума определена и бесконечность задачи их познания. Но бесконечность составляет также и внутреннее определение индивида. В.С. Соловьев называет человека «Вторым Всеединым», или «становящимся Абсолютом». Именно как становящееся абсолютное (или «абсолютное движение становления»), если вспомнить формулу К. Маркса) человек причастен и соразмерен истине бытия, поскольку он сам есть основание собственного бытия. Поэтому прогрессирующее развитие научного познания становится имманентной формой реализации сущности гуманизма, или развития «сущностных сил» человека.

Наука возникала как относительно самостоятельная сфера свободного духовного производства, не подчиненная тоталитарной логике совместного труда, не интегрированная в социально-экономические мегаструктуры капиталистического производства. Процессы институционализации науки, широко развернувшиеся в XIX в., означали превращение широкого спектра проявлений интеллектуально-духовной жизни человека в специализированное духовное производство, которое начинает развиваться по своим собственным законам, углубляя и усугубляя разрыв между наукой и миром человеческих ценностей. Данным обстоятельством объясняется широко распространенное убеждение, что научное познание лишено внутренних ценностных измерений, что оно этически нейтрально. Это убеждение разделяется представителями самых разных направлений философии и социологии науки и техники. Так, этическим факторам как внутренним импульсам эволюции научного познания нет места ни в социологии науки Р. Мертона, ни в эпистемологии К. Поппера и И. Лакатоса, ни в интерналистских концепциях развития науки С. Тулмина, А. Коуре, И.Б. Козна, ни в экстерналистских концепциях Дж.Бернала и Д. Томсона.

Одним из аргументов в обоснование этической нейтральности науки является тот, что этические нормы регулируют межличностные и социальные отношения, наука же изучает предметный мир, очищенный от антропоморфных характеристик. Поэтому, в частности, выдающихся научных результатов могут, как свидетельствует история, добиваться люди с весьма сомнительными моральными установками. Вместе с тем существует и иной подход, согласно которому «этический, ценностный аспект составляет неотъемлемый, хотя подчас и трудно эксплицируемый компонент научного знания» [8].

Перед лицом невозможности долгосрочных прогнозов и калькуляции вероятности рисков от разработки и применения новых научных технологий следует руководствоваться простым предписанием: больше прислушиваться к пророчествам бедствий, чем к пророчествам благоденствия, «придавать

угрозе большее значение, чем обетованию благ, и избегать апокалиптических перспектив даже ценою того, что при этом останутся нереализованными эсхатологические свершения» [9]. Этот принцип - не совет благоразумия, но непререкаемый и безусловный императив, неразрывно связывающий научный поиск и применение технологий с основоположениями гуманизма.

Социокультурные факторы - это не факультативные, но существенные детерминанты научного развития, неразрывно связанные с собственно когнитивными детерминантами. Научная революция XVII века ввела когнитивное отношение в рамки социального института, а профессионализация научной деятельности в XIX веке повлекла отделение научной идеологии от нравственных проблем. В. Гейзенберг указывает: «Трансформацию основоположений современного естествознания можно рассматривать как симптом смещений в коренных основах нашего существования, которые проявляются одновременно во многих сферах: в изменении образа жизни и манеры мыслить, во внешних катастрофах, в войнах и революциях». Суть этого смещения онтологических основ существования человека заключается в том, что впервые в истории человеку угрожают не дикие животные, болезни, голод, холод, природные катаклизмы и другие силы природы. *Отныне человек противостоял только самому себе.* Мы живем в мире настолько преобразованном человеком, что повсеместно и ежечасно - пользуемся ли мы бытовыми приборами, приобретаем ли приготовленную машинами пищу, или проходим по преобразованной человеком местности - мы сталкиваемся со структурами, вещами и процессами, вызванными к жизни человеком, «и в каком-то смысле встречаемся только с самими собой» [10]. Эта новая ситуация отчетливее всего выступает в современной физике, где больше методологически неприемлемо разделение на субъект и объект, на внутренний и внешний мир. Математические формулировки законов квантовой теории относятся не к «самим по себе» элементарным частицам и физическим процессам «как таковым», а к нашим знаниям о них.

Природа становится предметом научной мысли только вместе с субъектом этой мысли, самим человеком. Естествознание более не занимает позиции наблюдателя природы, модуля абсолютной перцепции, но осознаёт себя как частный вид взаимодействия человека с природой, а потому - в соответствии с новым онтологическим статусом предметного мира - человека с самим собой. «В результате естественнонаучная картина мира, по существу, перестает быть только естественнонаучной» [11] и приобретает духовное, гуманистическое измерение. При этом сферу этически нейтрального, нравственно безразличного покидают не только теоретические определения, но и методы научного исследования и технологического их применения в воздействии на материальный мир.

Соотношение научного познания и гуманистического мировоззрения сосредоточивается вокруг

трех основных сюжетов: нравственная ответственность ученого за социальные последствия научных открытий; этические нормы научно-познавательной деятельности; нравственное содержание научного знания. Из анализа методологических и социокультурных проблем соотношения науки и гуманизма следует ряд выводов:

1. Сама постановка, изучение и пути решения данной проблемы зависят в решающей степени от того, как ее исследователями понимается гуманизм, и как понимается наука.

2. Поэтому тема «наука и гуманизм» должна быть поставлена в конкретно-исторический контекст. Не рассуждения о науке вообще как фатально предназначенной нести человеку добро или зло, а анализ науки на определенном этапе ее развития, в определенных социокультурных, политических, экономических, идеологических, мировоззренческих, духовно-нравственных контекстах ее функционирования, выявление тех разнообразных воздействий, которые наука оказывает на общество и человека, должны стать основой заключений о конкретных формах взаимоотношения научного познания и гуманистических ценностей.

3. Точно так же в конкретно-историческом контексте должны быть исследованы ценностные параметры как внутреннего мира науки, так и ее институционализированных форм и практического применения результатов научных исследований.

Литература:

1. Хайдеггер М. Наука и осмысление // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. - М.: Республика. 1993. - С. 238 - 253. - С. 250.
2. Гейзенберг В. Естественнонаучная и религиозная истина // Гейзенберг В. Шаги за горизонт. - М.: Прогресс, 1987. - С. 328-342.-С. 332 - 333.
3. Фейерабенд П. Против методологического принуждения // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. - М.: Прогресс, 1986. -С. 125 -466.-С. 450.
4. См.: Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. - М.: Айрин-пресс, 2004. - 480 с.-С. 37.
5. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. - М.: Айрин-пресс, 2004. - 480 с.-С. 58.
6. Черткова Е.Л. Научный разум и гуманистические ценности // Философия науки. - Вып. 5: Философия науки в поисках новых путей,- М.: ИФРАН. 1999-С.184-204,-С. 189.
7. См.: Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990. С. 707 - 735.-С. 734.
8. Косарева Л.М. Этические идеалы и познание природы /7 Социокультурные факторы развития науки (по материалам историко-научных исследований). - М.: ИНИОН, 1987. - С. 11 -91.-С. 15- 16.
9. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. - М.: Айрин-пресс. 2004. - 480 с.-С. 87.
10. Гейзенберг В. Картина природы в современной физике И Гейзенберг В. Шаги за горизонт. - М.: Прогресс. 1987. - С. 290-305.-С. 299,300.
11. Гейзенберг В. Картина природы в современной физике // Гейзенберг В. Шаги за горизонт. - М.: Прогресс. 1987. - С. 290 -305.-С. 304.

Рецензент: д. филос. н., профессор Колчигин С.Ю.